

**Михаил Алексеевский, Анастасия Жердева, Михаил Лурье,
Анна Сенькина**

Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского»

Михаил Дмитриевич

Алексеевский

Государственный республиканский
центр русского фольклора,
Москва

Анастасия Михайловна

Жердева

Таврический национальный
университет
им. В. И. Вернадского,
Симферополь

Михаил Лазаревич

Лурье

Санкт-Петербургский
государственный университет
культуры и искусств

Анна Александровна

Сенькина

Российская национальная
библиотека, Санкт-Петербург

О словарях локального текста

В последнее время все более заметное место среди антропологических штудий занимают полевые исследования и печатные работы, посвященные изучению локальных культурных традиций различных поселений и местностей, чаще всего — провинциальных городов (см. об этом: [Ахметова, Лурье 2005: 336—337]). Своеобразие каждой такой традиции, обеспечивающее ей статус уникальной, выделяющее ее на фоне общенациональной культуры, проявляется прежде всего в тех представлениях, текстах и практиках, которые либо непосредственно связаны с местом (например, предания о знаковых для города личностях или репутации районов населенного пункта), либо наделяются статусом локально специфичных (например, брендовые для данной местности профессиональные традиции или представление об образцовой провинциальности города). Совокупность репрезентаций локальной специфичности и является, по сути, предметом изучения, за которым закреп-

пилось обозначение «локального текста» или «образа места». В методологическом основании этих исследований лежит представление о том, что «образ места (города)», или «локальный (городской) текст», существует — и соответственно может быть описан — в качестве меняющейся во времени системы ментальных, речевых, фольклорных, публицистических, иконографических и проч. стереотипов, воспроизводимых в контексте местной культурной традиции в устной, книжной и других формах.

Как нам представляется, наиболее адекватной и, по-видимому, оптимальной формой научного описания этого феномена является словарь. Именно словарная форма, предполагающая автономное толкование каждого элемента из некоего условного их множества, как нельзя лучше соответствует таким характеристикам локального текста, как неструктурированность, дискретность, подвижность, неопределенность границ. Более подробно о проблематике локальных исследований, об идее, структуре и задачах словарей локального текста, некоторых принципах их составления говорится в нашей заметке «Локальный текст города и его словарное описание» [Алексеевский, Жердева и др. 2008]. Чтобы не повторяться, мы отсылаем заинтересованных читателей к ней. В целом наша идея состоит в том, чтобы на основе серии полевых исследований, проводимых в разных городах, создавать описания отдельно взятых местных традиций, представляя их в виде ряда словарей, каждый из которых аккумулировал бы данные по локальному тексту одного города. Именно таким нам видится начало пути к обобщениям более высокого порядка.

Первым опытом в этом новом пока жанре научного издания, по нашему замыслу, станет «Словарь локального текста Могилева-Подольского», обширные (но отнюдь не достаточные) данные для которого были собраны в экспедиции центра «Петербургская иудаика» при Европейском университете в Санкт-Петербурге, работавшей в Могилеве-Подольском в июле 2007 г. Некоторую часть материалов к словарю мы и предлагаем вниманию читателей «Антропологического форума».

В упомянутой несколькими строчками выше публикации помещены восемь словарных статей, в данной — еще шесть. Их подбор продиктован следующим соображением: мы хотели, чтобы в публикацию вошло хотя бы по одной словарной статье из каждого тематического раздела словника (но не самого словаря, где статьи предполагается разместить в алфавитном порядке), которые на данном этапе работы над проектом обозначены нами следующим образом:

1. Символы идентичности (напр., коллективное прозвище жителей города; профессия, являющаяся исторически значимой для населения города; герб города или предмет, изображенный на гербе).
2. Локусы и топонимы (напр., район, жители которого имеют определенную репутацию; памятник или здание, с которыми связаны определенные практики или сюжеты; неофициальное название улицы или магазина).
3. События (напр., бомбежки во время войны, вспоминаемые пожилыми жителями, описанные в краеведческой литературе, увековеченные в мемориальной скульптурной композиции; сильное наводнение, породившее серию сюжетов устных рассказов; посещение города эстрадной звездой).
4. Лица (напр., известный городской сумасшедший; мэр города, его образ и репутация; известный художник, бывавший в этом городе, что отражено в тексте музейной экскурсии, зафиксировано на мемориальной доске, упомянуто в песне о городе; историческая личность, с которой связывают основание города).
5. Сообщества и институты (напр., национальная диаспора; школа, считающаяся самой престижной в городе; литературное объединение; известное питейное заведение).

Данная публикация представляет проект «Словаря локального текста Могилева-Подольского» — да и в целом замысел издания подобных словарей — на самой начальной стадии реализации. Поэтому авторы будут чрезвычайно признательны всем за любые отзывы, вопросы, советы и соображения.

Михаил Лурье

Могилев-Подольский: доминанты образа города

Форма словаря, в частности для представления локального текста того или иного места, имеет один существенный недостаток: для того чтобы вынести какие-то общие суждения о предмете описания, необходимо ознакомиться со всеми статьями словаря. В данной публикации мы представляем избранные статьи из готовящегося словаря локального текста Могилева-Подольского, а это означает, что читатель увидит фрагменты общей картины, по которым у него могут сложиться лишь смутные представления о целом. Поэтому мы сочли необходимым предварить словарные статьи небольшим очерком, в котором были бы обозначены основные особенности локального текста Могилева-Подольского, определяющие его

специфику¹. Образ этого сравнительно небольшого (32 тыс. жителей) украинского города, являющегося одним из районных центров Винницкой области, имеет несколько ярких доминант, определяющих его уникальность.

Многое в образе города определяется его *расположением на берегу Днестра*. Так, вплоть до начала 1980-х гг. жители Могилева-Подольского регулярно становились жертвами крупных наводнений, нарративы о которых до сих пор составляют заметную часть репертуара устных меморатов о прошлом города. После строительства в 1981 г. Днестровского водохранилища наводнения прекратились, однако температура воды в Днестре стала крайне низкой. Это обстоятельство, в свою очередь, стало предметом суждений — от сетований, что из-за холодной воды в Днестре Могилев-Подольский потерял статус республиканской здравницы, до слухов, что бывший мэр города имел возможность по выходным пускать через плотину не холодную, а теплую воду и т.д.

Другой важной составляющей культурного имиджа и самосознания города является его *пограничное положение*. С 1918 по 1940 гг. река Днестр, на берегу которой находится Могилев-Подольский, была государственной границей между Румынией и СССР, в послевоенные советские десятилетия она превратилась в условный рубеж между двумя союзными республиками, а с того момента, как граница между независимыми Украиной и Молдавией стала государственной, и начала свою работу Могилев-Подольская таможня (1992), приграничное положение города вновь чрезвычайно актуализировалось для его жителей, и в экономическом отношении (при разнице в молдавских и украинских ценах пересечение границы с целью приобретения или реализации товаров стало повседневностью для жителей обоих берегов), и в культурном.

Расположенный на другом берегу Днестра небольшой молдавский город Атаки, соединяемый с Могилевом-Подольским мостом Дружбы, воспринимается одновременно как часть, почти район Могилева (в советское время многие работали на другом берегу, жители этих двух городов и теперь имеют право свободного пересечения границы), с другой стороны — как точка отталкивания собственно могилевской городской (а с 1990-х гг. — и украинской гражданской) идентичности. Со второй половины XX в. большую часть населения Атак составляли цыгане, вследствие чего традиционные сюжеты драк между компаниями молодежи, живущими на разных берегах

¹ Эти соображения заставили нас пойти на авторепринт: данный очерк с небольшими изменениями воспроизводит текст, помещенный в: [Алексеевский, Жердева и др. 2008].

реки, стали приобретать национальные коннотации. С приграничным положением города связаны многие сюжеты местного повествовательного фольклора, характеризующие Могилев-Подольский как город, жители и власти которого традиционно и профессионально занимаются контрабандой (ср. историю про слух о прорыве плотины, запущенный специально для того, чтобы свободно провезти через опустевший город, жители которого в панике поднялись на гору, крупную партию оружия).

Одной из важнейших особенностей, определяющих облик Могилева-Подольского, является его *статус торгового города*. Уже через несколько десятилетий после своего основания в 1595 г. Могилев, благодаря удачному расположению, стал одним из крупнейших центров торговли в Подолии. В советское время торгово-экономические отношения традиционного типа проявили в Могилеве-Подольском большую живучесть и продолжали в том или ином виде сохраняться вплоть до конца советской эпохи, «прячась» от власти или «обманывая» ее, чему посвящены многочисленные рассказы (например, о частном бизнесе евреев, официально работавших заготовителями и реализаторами). Занятие торговлей и различными формами нелегального бизнеса — одна из устойчивых доминант образа города и самосознания жителей, что эксплицировано не только в устной повествовательной традиции, но и в стереотипах восприятия городского пространства. Так, город фактически имеет два центра: площадь перед зданием горсовета и городской рынок с прилегающими к нему улицами, также имеющими репутацию традиционных зон торговли (шуточное народное название одной из этих улиц «Шотре» — по вопросу «Шо треба?», с которым стоящие на ней торговцы старыми вещами якобы обращались ко всем проходящим).

Наконец, одной из важнейших доминант в локальном тексте Могилева-Подольского были и остаются *евреи*. Евреи — отдельные личности и сообщество в целом — с начала XIX в. по конец 1980-х гг. занимали в городе многие ключевые позиции, в большой степени определяли культурный, языковой, профессиональный колорит города (одна из наиболее распространенных формул местной культурной идентичности «Могилев — маленькая Одесса»). Все значимые для жизни и культуры позиции неизбежно обретают в городском тексте «еврейскую» интерпретацию: от представления, что в Могилеве, городе торговли и контрабанды, можно купить и продать буквально все, если обратиться к евреям, до репутации главного в городе промышленного предприятия как «жидовского завода». Все серьезные перипетии в среде еврейского населения заметно влияют на жизнь Могилева в целом. Так, большое

значение для исторического самосознания городского сообщества имеют события 1942–1944 гг., когда в оккупированном городе было создано еврейское гетто. Для пожилых жителей его границы, как и воспоминания о еврейских кварталах и улицах старого Могилева, продолжают в значительной степени определять ментальную карту города. Массовый отъезд евреев за границу в 1990-е гг. (из нескольких тысяч в Могилеве-Подольском их осталось, по официальным данным 2001 г., около трех сотен), в контексте резкого ухудшения социально-экономической и психологической ситуации, часто становится поводом для острой рефлексии оставшихся жителей города, которые склонны воспринимать его как событие, определившее рубеж между прежней (традиционной, ностальгически идеализируемой) и нынешней («упадочной») эпохой в жизни города. Число сюжетов устных нарративов, топонимических легенд, анекдотов, шуток, речевых формул, связанных с евреями, чрезвычайно велико, и в целом еврейская тема, безусловно, является одной из базовых для городской фольклорной традиции Могилева-Подольского.

Михаил Алексеевский, Михаил Лурье

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

Из раздела «Символы идентичности»

ПОМОЙНА ЯМА (яма) — устойчивая метафорическая формула образа города в локальном тексте М.-П.

Метафоризация М.-П. как «ямы» связывается с особенностями природно-географического ландшафта этой части приднестровского Подолья, в который вписан город. Располагаясь на берегу Днестра, М.-П. с одной стороны выходит к реке, а со всех остальных окружен возвышенностями (ср. «чаша»): «Он находится... как бы чаша вот такая. <...> С гор течет всё: и вода, и камни, и всё стекает» [КЕП]. Старая центральная часть города располагается в низине, что концептуализируется посредством устойчивой формулы: «В яме живем» [Вад.]. Определение «ПЯ», таким образом, занимает антитетическое положение по отношению к другой известной формуле: «Могилев — маленькая Швейцария», представляющей особенности ландшафтного расположения города, наоборот, с выигрышной стороны (см. МАЛЕНЬКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ), и вообще к идее исключительной красоты и привлекательности здешних мест: «Вообще-то наш город местные называют жители „помойна яма“» [Вад.].

Наряду с природно-географической интерпретацией, речевое клише ПЯ может осмысляться как метафора необустроеннос-

ти, неухоженности города или его неразвитости, отсталости, «провинциальности». Именно такое место отводится М.-П. в ряду фольклорных имен-репутаций тех городов Украины, с которыми на разных основаниях соотносят город: «Киев — папа, Одесса — мама, а Могилев — помойна яма» [Пас.].

Анна Сенькина

Из раздела «Локусы и топонимы»

119-й РАЙОН (119-й микрорайон, 119-й массив, 119-й, Стодик) — неофициальное название одного из районов М.-П., построенного в начале 1970-х гг. вокруг пр. Октябрьской революции (ныне пр. Независимости (Незалежності)). **119-й Р.** находится на значительном расстоянии от центра города и связан с ним автобусным сообщением.

Возникновение **119-го Р.** жители города связывают с последствиями крупного наводнения 1969 г. (см. **НАВОДНЕНИЯ**), в результате которого многие семьи остались без жилья. По рассказам, новый жилой массив был построен именно для пострадавших от наводнения: «Было наводнение в это время <...> и построили этот 119-й район. <...> После этого стали строить там» [НП]. Устойчивый мотив нарративов об основании района — активная помощь предприятий Москвы и Ленинграда, которые прислали деньги и материалы на строительство первых панельных домов: «После этого наводнения все города стали давать материальную помощь. И вот у нас родился 119-й <...> такой массив. Ленинград первый прислал пятнадцать вагонов плит, и построили первый 119-й дом, в котором я получила квартиру» [КЕП]; «Правительство Советского Союза выделило определенные деньги, домостроительные заводы Москвы и Ленинграда дали денег. Жители Москвы, некоторые предприятия Москвы и Ленинграда <...> выделили двухдневный свой заработок на строительство 119-го района. И там за короткое время было построено в одном микрорайоне 4 или 3 дома 119-тиквартирные» [ВВВ].

Широкое хождение имеют устойчивые этимологические объяснения самого наименования «119-й». Большинство жителей считает, что район получил такое название благодаря тому, что в первых построенных панельных домах было по 119 квартир: «Первый дом, который там был построенный, — 119-тиквартирный. И оно как бы так пошло» [Ген.]; «119-й район. <...> Потому что там 119 квартир в доме» [МКИ]; «В каждом доме 119 квартир» [Мар.]. Подобная модель — образование топонима из числительного, обозначающего количество квартир в доме — встречается и в других городских традициях: напр. для обозначения 105-тиквартирного дома в пгт. Красная

Горбатка Владимирской обл. используется название «105-ти». Данная трактовка происхождения топонима может усложняться, порождая варианты: «Знаете, почему он называется 119-й? Потому что 19 квартир было в каждом здании сделано. Так назвали „19-й“, добавили 100. „Куда ты едешь?“ — „На 119-й“» [ЭНХ].

Другое объяснение названия «**119-й Р.**» связано с порядком нумерования домов при строительстве микрорайона. Согласно этой версии, один из домов района (первый или последний) был расположен на пр. Октябрьской революции и получил номер 119. В дальнейшем это название закрепилось за всем районом: «Почему он 119-й? Значит, первый дом, такой многоэтажный, который там построен был — пустырь был, вот на этом пустыре, он, значит, получил номер 119. Поэтому оттуда и пошло название всего этого массива „119-й район“, „119-й массив“» [ВАИ]; «Дом последний был 119-й номер. Вот так. А шас уже продлилось это всё, а так осталось» [Дм.]

«**119-й р.**» — один из нескольких общераспространенных неофициальных топонимов, которые используются в М.-П. во всех коммуникативных сферах и ситуациях. Так, наряду с наименованием «Биржа» (см. БИРЖА) «**119-й**» используется парками такси: для обозначения места основной стоянки машины на ее крыше крепится табличка с надписью «119»: «„Биржа“ — это значит, они вот тут вот стоят. Там, если, допустим, 119-й [такси из 119-го района] — написано: „119-й“» [Вад.]

Репутация **119-го Р.** в городе неоднозначна. С одной стороны, микрорайон значительно удален от центра, традиционно ассоциируемого с рынком, поэтому воспринимается как окраинный, и жить там не считается престижным: «Дело в том, что далеко от базара. <...> Оторван немножко от центра города» [ВАИ]; «Там, между прочим, дешевле квартиры. <...> Дешевле, с тем учетом, что сюда надо приехать, деньги за дорогу заплатить, вот на рынок и на работу» [ЗЛВ].

С другой стороны, **119-й** как молодой район имеет статус достаточно развитого и современного. По части мест для отдыха и развлечений он конкурирует с центром города, так как именно в **119-м Р.** находится единственная большая дискотека М.-П.: «Дискотека еще тут наша, туда еще ходят. В 119-м» [Вад.]. Среди жителей города популярностью пользуется расположенное в **119-м Р.** кафе «У Стивена», где на заказ готовят традиционные еврейские блюда: «На 119-ом. Можно поехать. Там вкусно готовят» [ЭЛА].

В молодежной среде имеют хождение устойчивые нарративы о драках «район на район», в которых активное участие при-

нимают подростки из **119-го Р.**, проявляющие особую агрессивность и жестокость: «Вот этот „пиратский подвал“, там тоже месилово, помню, было хорошее. С района 119-го, там что-то кто-то с кем-то не поделил, эти парни приехали на трех машинах, со штакетами, с топорами. Можно представить себе, что тут было. Не, правда, никого не убили» [Вад.]. Характерно, что в этих рассказах основными антагонистами подростков из **119-го Р.** является молодежь Кировского р-на (см. ТАНКИ), расположенного на другом краю города. Тем самым в городской культуре конфликтующие друг с другом молодые окраинные районы противопоставлены сравнительно спокойному центру, старому городу.

Михаил Алексеевский

Из раздела «События»

СЛУХ О ПРОРЫВЕ ПЛОТИНЫ

Днем 19 июля 1995 г. среди жителей М.-П. распространилось известие о том, что прорвало плотину Днестровской гидроэлектростанции, расположенной в 50 км от М.-П. выше по реке, и в короткое время город будет затоплен. Большинство жителей в панике бросили свои дома и побежали в районы города, находящиеся на возвышенных местах («на гору»). Информация о прорыве плотины не подтвердилась, и через некоторое время люди спустились обратно. Так как это событие и его последствия в той или иной степени коснулось почти всех жителей города, развернутые мемораты о нем, слухи и толки с различными версиями и интерпретациями произошедшего занимают заметное место в городской фольклорной традиции.

Колоссальный испуг, который, по рассказам, охватил население М.-П. при известии о прорыве плотины, объясняют памятью о крупных наводнениях (см. НАВОДНЕНИЯ), которые до строительства плотины происходили регулярно: «Каждый год к наводнению готовились» [МКИ]. После создания в 1981 г. Днестровского водохранилища наводнения прекратились, однако считалось, что масштабы потенциальной угрозы возросли, поскольку в случае разрушения плотины на город должны были обрушиться огромные массы воды: «Это 80 метров воды, она бы смыла Могилев» [Дм.]; «Если это водохранилище прорвет, то тут с Могилева снесет всё. <...> Под крышу это будет волна» [КТ]. О масштабах потенциальной катастрофы жителям М.-П. сообщали и на занятиях по гражданской обороне, где объясняли, как действовать в случае наводнения: «У нас учения проводили и рассказывали, что <будет>, если вдруг плотину там, даже если ее кто-то там взорвет, или еще чего-то

<...>, то на столько-то метров там подыметесь, уровень воды там будет столько-то метров» [Вяч.].

Прежде всего рассказы о слухе представляют собой мемораты о массовом бегстве жителей города на гору. Все истории о спасении от мнимого наводнения ориентированы на передачу собственного индивидуального опыта (рассказчика и его близких), однако нарративы об этом событии отличаются высокой степенью стереотипности на уровне структуры, набора повествовательных мотивов и речевых клише. Так, во многих рассказах подчеркивается быстрое распространение информации о прорыве плотины по всему городу, что интерпретируется с опорой на идентичность М.-П. как торгового («базарного») и провинциального (маленького) города: «Эта информация разносится молниеносно» [Люб.]; «Для Могилева это секунда. Могилев — это маленькая Одесса. В Могилеве это секунда дело» [Ген.].

В рассказах о спасении от мнимого затопления особенно подчеркивается сила охватившей людей паники и, как результат, полное перемещение всего населения города на гору: «Все побежали на гору, все жильцы Могилева. Всё было пусто» [Дм.]. Показателем устойчивости этих мотивов является использование в устных текстах устоявшихся речевых оборотов: «Это была такая страшная паника в городе, вам не передать. <...> Все побежали на гору. Кто в чем был, детей хватали» [КЕП]; «Была такая паника, как, не дай Бог, во время войны. Весь город был на горе» [Ген.]; «Возникла массовая паника. Люди спасались на горе. Брали только детей и документы, и то не все. На горе был весь город. Через полчаса поддалась панике молдавская сторона. Весь город Атаки также сбежал на гору» [МВ].

По рассказам, люди были уверены, что на спасение у них есть считанные минуты, поэтому оставляли практически всё свое имущество. Слух распространялся днем, поэтому большинство моголевцев убегало на гору не из дома, а с места работы. В меморатах жителей дополнительную остроту изображению паники и хаоса придает описание брошенных на рынке и в магазинах товаров, что также соотносится с торговым имиджем города: «Люди бросали же всё. Просто бросали и убегали» [Ген.]; «Кто чим торговал, всё оставили и вперёд туда. <...> Знати, коли яка ж беда, те люди ни с чом ни считаются, они всё оставляют, тильки шиб спасти жизнь» [Анат.]; «Люди покидали магазины. Мясной магазин тут в Могилеве очень ценился. Всё оставили и бежали наверх, на гору» [КТ]; «Все побежали, всё пооставляли на рынке, со всех работ убежали» [ЭЛА].

Еще один устойчивый повествовательный ход в описании бегства от наводнения — перечисление того, что брали с собой убегающие горожане. Как правило, эти описания выдержаны в ироническом ключе. Спасаящиеся люди ведут себя непрактично, пытаясь затащить на гору либо дорогую технику (телевизоры, видеомэгафоны), либо домашних животных (от кошек до коз): «Люди тащили... ну, что у кого есть, как говорится, у кого всё в долларах, <...> всё в карман, как говорится, и побежал. А у кого, значит там, я не знаю, свиньи, козы, индюки, тот, значит, всю эту живность... и с этой живностью» [Вяч.]; «Хватали кто что! Кто документы, у кого видео с собой, потому что оно еще тогда более-менее ценилось, долларов за 200 можно продать» [Люб.]; «Кто с чем бежал. Так моя Ира говорит: „Мам, вы знаете, что мы взяли с собой? Мы взяли кота“. Брали кота с собой, пошли на гору» [МКИ]; «Кто телевизор берет, кто козу тащит. Но это вообще был беспредел» [КТ].

Заметное место в структуре нарративов о спасении на горе занимает упоминание трагических последствий паники. Чаще всего упоминается человек, который умер от разрыва сердца во время бегства: «Но в это время у нас были жертвы, человек, спасая себя и детей, получил разрыв сердца. Это ж бежали! Кто на машинах, кто на тачанках. Попробуй? И он скончался» [МКИ]. Упоминание о смертельном случае в результате ложного слуха сообщает истории, рассказываемой, как правило, с оттенком самоиронии, трагическое звучание, при этом подробности о личности жертвы и обстоятельствах смерти варьируются: «Говорили, что кто-то там, кто был, как говорится, больной, сердечники, кто-то умер, как говорится, во время этой... этого бега, как говорится, вверх» [Вяч.]; «Отец один вытащил двоих детей на гору, получил инфаркт и умер там» [Пар.]; «Ну и один мужчина в возрасте 42-х лет, приступ сердца. И насколько я знаю, и больше жертв, кажется, не было» [Люб.]; «Очень многие заболели, перенервничали, одна женщина даже умерла» [ЭНХ]; «Во время паники один человек умер от инфаркта, второй был сбит автомашиной» [МВ].

Упоминаются также семейные драмы, связанные с тем, что некоторые жители города не имели возможности забрать с собой на гору лежачих больных и вынуждены были оставить их, как казалось, на верную смерть: «У меня первая в голове, что надо делать, это хватать бабушку, которая лежит уже почти в состоянии комы, и тащить ее наверх» [Люб.]; «Даже были случаи, что оставляли семьи. Допустим, жена больная, а муж здоровый. Говорит: „Ты меня извини, но у меня одна

жизнь. Извини меня“. И всё. Были такие случаи тоже» [Ген.].

В мемуарах рассказчиков-мужчин иногда, наоборот, описывается демонстративно спокойное поведение, ироническое отношение ко всеобщей панике: «Я себе сажу наверху и смеюсь. Взял заправку с собой и по 100 грамм. Потому что... я говорю, да не может такого быть. <...> Я не верил. Я 100 грамм [выпил], смеюсь» [КТ]; «Я и никуда не побежал, стоял во дворе, курил, ждал, чем это все закончилось» [Вяч.].

Другой обязательный элемент нарративов о мнимом прорыве плотины — версии объяснения произошедшего, суждения о том, кто и зачем распространил ложную информацию. Характерно уже то, что конкретно за этим случаем в речевой практике прочно закрепилась формула «пустили пушку» — в значении ‘распустили слух’. Горожане судят об источнике «пушки» — где впервые было сообщено о грозящей городу беде. Большинство жителей считает, что слух начал распространяться с городского рынка (см. БАЗАР), который воспринимается как традиционное место обмена городскими новостями: «Ну говорят, что началось всё конечно с базара, вроде так объясняли, что, как обычно, всё начинается, где место встречи, где все, как говорится, половина города или работает, или покупает, или что-то еще... Ну базар. На базаре кто-то крикнул: „Чего вы тут стоите?! Плотину прорвало! Шас затопит весь город!“ Ну все кто куда» [Вяч.]; «Кто-то сделал кому-то, кто-то пошел на базар, так и пошло, пошло. <...> Всё идет через базар, как говорится. Кто-то сказал, и всё. И так оно понеслось» [ВПВ]; «Базар есть базар, тут всё начало. Так вот» [ВАИ].

По другой версии, панике на рынке предшествовал анонимный звонок в горисполком, в котором сообщалось об угрозе прорыва плотины. В данном случае речь идет о действиях злоумышленников, намеренно дезинформировавших городское начальство: «16 июля мы все находились на работе, и вдруг пришло сообщение по телефону с ГЭС, <...> есть предположение, что ГЭС не выдержит напора воды <...> и будет потоп. <...> В горисполком сообщили» [КЕП]; «Бросили вот такую, скажем, пушку вот в области нашей мэрии, что вот рухнула плотина» [Люб.]; «Потом пару звонков тоже там, еще вроде до этого вроде бы какие-то пара звонков были, в горсовет, еще куда-то... „Шо вы там сидите и не принимаете меры?! Надо эвакуироваться! Начинайте эвакуацию! По этой связи гражданской обороне объявите, что надо эвакуировать“. Это да, это было» [Вяч.]; «Был сделан анонимный звонок в горисполком о подрыве молдавским спецназом дамбы в с. Кремен-

ное (аккумулирующее водохранилище). После этого звонка руководство города начало проверять информацию через милицию, СБУ и погранотряд. Звонки были сделаны также в сельсоветы» [МВ].

Единого официального объяснения случившегося не последовало, среди жителей М.-П. циркулирует несколько версий относительно того, кто именно организовал массовую дезинформацию населения. Некоторые горожане считают, что произошедшее — результат чьей-то шутки. Даже те, кто считает, что это была шутка, пытаются найти дополнительную мотивировку (например, месть мэру): «Шутка. <...> Кто-то пустил пушку. <...> Кто каже, што специально, кто каже, што пошутили» [Вад.]; «Это такая была злая шутка» [ЭЛА]; «То ли хотели мэру насолить, то ли... Непонятка так и осталась в народе жить» [КЕП].

Более популярная версия связывает возникновение слуха с деятельностью мародеров, решивших грабить оставленные дома, рынок, магазины: «Это было в самом деле вредительство. <...> Ну, может быть, кому-то это было... может, кого-то почистили» [Ген.]; «Вот кому-то было выгодно. Потому што покидали все магазины. Это мясо разворовали от и до. Магазины разворовали от и до. И грабили бесподобно» [КТ]; «Вот таким людям, которым это выгодно, пустили эту пушку. Им надо было, как говорится, базар почистить, дома почистить. И вот им это удалось» [ВПВ].

Самая распространенная интерпретация, что «пушку» про прорыв плотины запустили контрабандисты для того, чтобы провезти через границу незаконный товар. Расчет заключался в том, что пограничники, чьи пропускные пункты находятся на мосту через Днестр, поддадутся общей панике и вместе с другими жителями побегут в гору, так что граница будет свободной: «Не знаю, насколько это было правдой, но говорят, что там через таможенню что-то нужно было провезти, но это, может быть, только разговоры. Но говорят, что в это время там все таможенники бросили пост тоже и начали спасать свои семьи, вот в это время проехало много машин» [Пар.]; «Я говорю, кому-то это было выгодно. Может, в это время наркотики через мост капитально перевезли? <...> Я так считаю. Что они этим воспользовались. И всё. Оружие. Наркотики. И будьте мне здоровы!» [КТ].

Показательно, что те, кто придерживается версии про контрабанду, расходятся в представлении о том, с какой стороны границы ехали машины с незаконным грузом. Некоторые считают, что контрабандисты перевозили свой товар из Украины в Молдавию: «Машины отсюда ехали в Молдавию. Были ма-

шины, которые не пропускали. И вдруг пустили слух, что прорвали дамбу. <...> А те машины этим временем проскочили через мытницу. <...> Когда разбежались эти все, и пограничники, и всё, все разбежались» [МКИ]; «Мы не слишком тупые, догадываемся, что все-таки связано было с таможенной и таможенными махинациями. Просто надо было сделать в городе переполох, чтоб какую-то партию запретного товара, того же самого антиквариата, вывезти за пределы Украины» [Люб.]. Другие жители полагают, что контрабанду везли из Молдавии: «Щас я уже знаю это всё, надо было с Молдавии перевезти, чтобы никто ничего не видел. Контрабанда. Так они, эти все разбежались, они проехали себе спокойно» [ЭНХ]; «Говорят, что проехали машины с оружием. Что таможня разбежалась. Понимаете? <...> Слух прошел. Переехали машины. Много машин. С той стороны сюда» [Дм.]. Популярность «контрабандистской» версии произошедшего 16 июля 1995 г. связана с пограничным статусом М.-П и его реноме города контрабандистов, актуализировавшимся после распада СССР, когда граница между Украиной и Молдовой стала государственной.

Михаил Алексеевский

Из раздела «Лица»

ЯША КРАСНОПОЛЬСКИЙ — легендарный силач-еврей.

Истории о **ЯК** в основном имеют хождение среди моголевских евреев пожилого возраста. Эти нарративы четко подразделяются на две тематические группы: о поведении **ЯК** во время фашистской оккупации М.-П. и о демонстрации им своей силы. В рассказах об оккупации относительно поведения **ЯК** две противоположные версии. По одной из них, он активно партизанил, скрываясь в лесах и в одиночку уничтожая фашистов: «Да, я помню во время войны был один Як... Яша, дядя Яша. Так вот за него немцы давали большой выкуп. Он в лесах скрывался, он мог убить за ночь 5–6 немцев, он был очень крепкий» [ЯИМ]. Согласно другой версии, **ЯК**, чтобы избежать фашистской расправы, изображал крещеного человека: «Тут был в Моголеве Яша Краснопольский (фамилия). Он во время войны носил вот такой крест. Он еврей. Он еврей — Краснопольский. Так он вплоть до того, что он ходил себе свободно: гетто — не гетто, он выходил из гетто» [ГЕС]. Однако и в том, и в другом изводе рассказы приводят к одному результату: во время оккупации **ЯК**, будучи евреем, вел существование, совершенно независимое от фашистского режима, причем в обоих случаях это косвенно связывается с его огромной физической силой.

Рассказы-мемораты о том, как **ЯК** показывал свою силу, ничем не отличаются от традиционных фольклорных преданий о местных силачах, для которых этот мотив является одним из основных (силач поднимает угол избы, везет нагруженную телегу, которая не под силу лошади, удерживает руками две телеги с запряженными в них лошадьми, не давая им разехаться, и т. п.). Событие в рассказах отнесено к концу 1940-х — началу 1950-х гг., и в качестве мерила физической силы **ЯК** устойчиво фигурирует автомобиль: «Короче говоря, он был крепкий дядька, вплоть до того что он вот так становился — руки на бедра, и две машины отсюда и отсюда в локти съезжались, чтобы задавить его, а колеса буксовали и не могли сдвинуться с места. Вот такой был здоровый дядя» [ГЕС]; «Я помню, после войны он нам показывал: он подходил к полуторке, и так плечом подымал полуторку, машину» [ЯИМ].

В настоящее время в М.-П. живет сын **ЯК**, на фигуру которого отчасти перешла слава и репутация его отца: по рассказам, Семен Яковлевич унаследовал от отца недюжинную физическую силу, хотя и не в таком размере, как и положено богатырям второго поколения: «И сын его есть, здесь он, Сёма. <...> У него [сына] кличка Лебрик. Он... я помню там один выступал и всем кричал: „Жид, жид, жид“, — а Сёма подошел к нему и сказал: „Прекрати!“ — он не хотел. Он ему как врезал. Он физически очень крепкий — этот Лебрик. <...> Но он такой, он физически крепкий человек, как и его отец» [ЯИМ].

Михаил Лурье

Из раздела «Сообщества, организации, институты»

ГОЛУБОЙ ДУНАЙ — неофициальное название питейного заведения в центре города, существовавшего приблизительно с 1940-х по 1990-е гг. и занимающего заметное место в ментальной картине жизни послевоенного М.-П.

«Народное» название «Голубой Дунай» закрепилось за определенным типом дешевых питейных заведений, появившихся в послевоенное десятилетие в городах на всей территории СССР и пользовавшихся большой популярностью среди населения (см.: [Бадин, Савицкий 2008]). Ассортимент предлагаемых алкогольных напитков в этих заведениях, как правило, был смешанным. В могилевском ГД, по воспоминаниям горожан, торговали пивом и вином. «„Голубой Дунай“ — это было на Ставиской. Там пиво продавали, пирожки, пиво. <...> Я сам туда иногда заходил, захаживал. Я любил выпить стакан пива. <...> Раньше я любил. Зайдешь, выпьешь бокал, стакан — сколько было денег» [ЯИМ]; «Там продавали пиво, воду, пирожные, вино» [БЛС]; «Когда он функционировал,

этот „Дунай“, ну, это считалось немножко значное место, поскольку там, кроме мороженого, еще кое-что продавалось покрепче» [ВАИ]. Отсутствие упоминаний о водке может быть связано с особенностью местной питейной традиции, ориентированной больше на вино местного производства (см. **ВИННЫЕ ПОГРЕБКИ**), чем на крепкие напитки. Другой отличительной чертой могилевского ГД были автоматы, торговавшие в розлив не только газированной водой и пивом, но и вином, а также возможность заправлять сифоны. «Это не ресторан, это первые автоматы, которые газировали воду, пиво по 10 копеек, вино по 15 в автоматах, и буфетик был — вот это так, это — летний вариант кафе вот. <...> Сифоны там заправляли, всё это» [ГАИ]; «„Голубий Дунай“ — бывший торговельный комплекс різноманітними напоями — соки, води, навіть, легкі вина з автоматів. Заправка сифонів. <...> Назва збереглась и вживається по сьогодні» [Варганович 2007].

Как правило, «Голубые Дунай» в городах располагались вблизи вокзала или на окраине города. Большинство могилевчан старшего поколения в качестве места расположения ГД называют центр города — сквер напротив нынешнего здания городской администрации, на углу двух главных улиц М.-П., Киевской и Ставиской: «Так это „Голубой Дунай“ — где сейчас горисполком, напротив» [ЯИМ]; «Арка білого кольору. Архітектура 30–40 р.р. <...> Збудівлі не збереглись. На його місці — сквер відпочинку (напроти міськради — кут вулиць Київської і Стависької» [Варганович 2007]. Для других, единичных (и, очевидно, ошибочных) вариантов локализации — «по-моему, на Шотре» [КЕП] (см. ШОТРЕ), «с правой стороны от входа в дом культуры» [ВАИ], «здесь вот, в парке» [Вяч.] — общим является то, что все они также помещают ГД в людные места в центральной части города. Для образа могилевского ГД это существенная деталь: в рассказах подчеркивается, что кафе располагалось в центре города, в самом оживленном месте, там, где горожане в свободные вечера и в выходные дни совершали прогулки (см. **СТОМЕТРОВКА**), и служило местом встречи и общения праздной публики, прежде всего мужчин. Поэтому упоминания о ГД регулярно возникают у могилевчан в контексте рассказов о традициях городского общественного досуга: «Я даже не могу описать, я не могу вам сказать, сколько там народу ходило. Сплошная масса народу: одни туда, другие туда. И там... Вот сейчас где горисполком напротив, там был скверик, и там был „Голубой Дунай“ — не знаю, забегаловка, или как ее назвать» [БЛС], — или же, наоборот, сами перетекают в такие воспоминания: «Это был „Голубой Дунай“ — это был такой небольшой кафешка, буфетик, забегаловка. Но тогда ж совершенно другая

была... Люди как — люди выходили вечером погулять, друг друга увидеть, кто в чем, кто как, кто с кем. Это было постоянное... Это было... На демонстрации первомайские так не было, как в субботу, в воскресенье вечером в городе. Все хотели друг друга увидеть, с кем-то познакомиться, с кем-то там, это самое, пойти где-то в кино, кого-то пригласить. Поэтому даже люди такого, ну, уже взрослого и моего возраста, они тоже хотели выйти, но поскольку у них интересы были несколько иные, им захот... хотелось где-то пойти пиво выпить. Пойти с ребенком, купить ему мороженое. Пока папа пьет пиво, ребенок — мороженое, все при деле. То есть был свой как бы алгоритм такой жизни <...> Ну, там было такое место, куда мог прийти, как бы... В ресторан — это дорого, не всем позволяли средства, а вот, средний класс... средний... пользовался такими услугами, таких вот забегаловок „Голубой Дунай“. Тем более что он был в центре города, тем более что он работал до десяти вечера — в общем, короче, вот такая, в летнее время это было» [ВАИ].

Репутации могилевского ГД как места, куда мужчины заходят после работы немного выпить и пообщаться, способствовало и его местонахождение рядом с традиционным местом собрания «деловых» мужчин — т.н. Биржей (см. БИРЖА). «Это перед тем как сейчас это Биржа, вот там стоял „Голубой Дунай“»; «Там, где памятник Шевченко, так через дорогу сюда. Там сейчас выровняли все, а там получалась как бы возвышенность небольшая и стояло такое вроде кафе, или забегаловка, ну как оно там — ну, пиво там распивали, называлось „Голубой Дунай“. Так вот там была эта Биржа, это в том районе» [БДФ].

Поскольку центр М.-П., примыкающий к рынку и главной площади, считался районом проживания большинства евреев, а Биржа — местом общения «деловых» мужчин и прежде всего евреев, то и ГД, расположенный в самом центре города и непосредственно напротив Биржи, сам собой попадает в эту зону «еврейской коммуникации». «Это [Биржа. — М.Л.] напротив горсовета. Там была такая забегаловка. Да, где заборчик, на тротуаре. Там забегаловка была. Но эта была уже забегаловка после войны. „Голубой Дунай“. И там... говорили: „На Бирже“. „Где был?“ — „На Бирже“. Собирались евреи... Это было после освобождения города. <...> (Собиратель: А вот после войны, вы говорите, там собирались евреи, вот в этом „Дунае“...) Да, возле „Голубого Дуная“» [МКИ].

Характерно, что в качестве «еврейского» заведения ГД воспринимали не только сами евреи, но и их тогдашние антагонисты — молодежь из других районов города: «Но наши не любили евреев, наши. Вокзал¹, например, железнодорожный

когда... здесь был „Голубой дунай“ такой буфет, так они [евреи. — *М.Л.*] всегда, мой муж рассказывал: как только вокзальные (а мой муж вообще был главарь), говорит: как только видят, что вокзал приехал — всё, евреев нет, все по норам, все кто куда, никого уже нет, всё. Да, они боялись очень жэдэ» [ГЛА].

Михаил Лурье

ЗАВОД ИМЕНИ КИРОВА — Могилев-Подольский машиностроительный завод им. С.М. Кирова, производственный бренд города, самое крупное предприятие в М.-П., с функционированием которого в общегородском тексте напрямую соотносится благосостояние города и горожан в советские и постсоветские годы.

Завод основан в марте 1897 г. Г.Ф. Келлером, до революции был небольшим предприятием, производившим сельскохозяйственный инвентарь. После национализации завода в 1923 г. он был назван «Могилев-Подольский чугунолитейный завод „Возрождение“». В 1931 г. завод получил заказ от московского водоканала, что способствовало его быстрому расширению и развитию производственных мощностей. После убийства С.М. Кирова в 1934 г. заводу присвоено его имя — он стал называться «Могилев-Подольский арматурный завод им. С.М. Кирова», с 1944 г., после восстановления, — «Могилев-Подольский чугунолитейный завод им. С.М. Кирова». С 1970-х гг. предприятие начинает специализироваться в основном на производстве мельничного оборудования. Начиная с 1930-х гг. завод играет существенную роль в экономической жизни города, в 1980-е гг. на нем работало 3500 человек (ок. 10 % населения М.-П.). В настоящее время завод переживает спад производства, на нем работает около 700 человек.

Рассказы и разговоры жителей города о **ЗИК** отличает исключительная однотипность структуры и единообразие оценок. С одной стороны, поскольку многие нынешние могилевчане среднего и старшего возраста работали на этом заводе, о нем рассказываются мемуары, снабженные большим количеством конкретных деталей. С другой стороны, все, что связано с прошлым **ЗИК** (состояние зданий, традиции и порядки, фигуры руководителей и «видных» сотрудников), отнесено к «мифологическому прошлому» города и подвергнуто высокой степени стереотипизации на уровне тем, сюжетов и суждений.

¹ Вокзал, жэдэ (от «ЖД-вокзал» — железнодорожный вокзал) — в данном случае имеется в виду определенное территориальное сообщество — молодые люди, проживающие в районе железнодорожного вокзала, традиционно конфликтовавшие с молодежью центральной части города (см. Ж/Д, ЦЕНТР).

Завод фигурирует в устных нарративах и ламентациях как одна из абсолютных ценностей города, основной фактор и одновременно символ выживания (в послевоенные годы) и последующего благополучия (в 1980-е гг.). Утрата предприятием в 2000-е гг. былого значения и статуса однозначно расценивается как причина и знак эпохи упадка в жизни всего города. Особая мифология складывалась вокруг директоров **ЗИК**, в особенности это относится к фигуре А.Г. Кордона, возглавлявшего завод с 1932 по 1941 и с 1944 по 1968 гг. (см. КОРДОН).

Прежде всего, в разговорах о **ЗИК** подчеркивается его роль градообразующего предприятия. По устойчивому мнению могилевчан, город вырос и держался благодаря заводу. Завод изменил статус города: из торгового он стал промышленным. «Все было для города» [НП]; «Завод был... завод... город держался на заводе» [УАУ]. «Город сильно вырос, он был почти 40 тысяч населения в советские времена. Этот завод поднял город» [ВВВ]. Считается, что для М.-П. **ЗИК** был основным источником общего экономического благосостояния: «Сколько он давал... отчисления. Хватало на зарплату, на пенсию, на все» [УАУ]. «Это для завода для города был что-то, что-то, я не-е, вы не можете представить насколько люди были счастливы, что завод начал работать, люди получили работу, семьи получили достаток» [КЕП].

Благодаря заводу поблизости от центра, на месте старой застройки, выросли многоэтажные дома, что расценивается и как первый заметный акт пересоздания городского архитектурного ландшафта: «Тут завод строит, вот эти все дома завод строил. <...> И он [завод] сносил, сносил, сносил. И если бы завод не строил, то вот так бы халупы стояли» [УАУ], — и как акт благодеяния жителям города: «Микрорайоны строились за его счет. Когда строится завод, строится и весь — ну вы знаете, да? — микрорайон. Город сильно вырос, он был почти 40 тысяч населения в советские времена. <...> 25 000 рабочих получили новые комфортабельные квартиры в городе» [КЕП]. Вообще, **ЗИК** предстает как инстанция, наделяющая своих сотрудников — а значит, и все городское население — многочисленными жизненными благами: «Он [завод] же заложил фундамент под дом культуры с бассейном» [УАУ]; на заводе шла «большая спортивная работа, работал дворец культуры, дом культуры, была большая художественная самодеятельность, было четыре коллектива народных. <...> Была своя база отдыха на Черном море „Искра“. Большущий здесь поблизости села был построен пионерский лагерь, красотища,

большой в лесу возле речки — очень красивый, сейчас все закрыто, разрушается» [КЕП].

Работа на **ЗИК** считалась самой престижной и высокооплачиваемой. Несмотря на то что «в городе было четыре завода: ремонтный, механический, консервный и приборостроительный» [КЕП], получить место на **ЗИК** считалось большой удачей. Устройство на завод приравнивалось к поступлению в вуз и считалось практически немислимим при отсутствии связей: «Поступить на завод было равносильно, что поступить в институт» [БЛС]; «Тогда попасть на завод было очень сложно — только через горком партии! Очень сложно! Это было во все времена сложно в Могилеве» [ГНЛ]; «С большой трудностью главный бухгалтер завода — моя сестра работала зам. главного бухгалтера, ну они каждый день встречались, в хороших отношениях были — он пообещал, что поможет меня устроить, и так меня через главного бухгалтера устроили на завод учеником токаря» [СИЕ]. (Сейчас работа на заводе потеряла свою привлекательность, что сообщается в качестве иллюстрации упадочного состояния приватизированного предприятия: «Люди разбежались, 5–6 дней работать в месяц. Жить-то за что-то надо. <...> Ходят и просят стариков, чтобы вышли поработали» [УАУ].)

В качестве основных достоинств работы на **ЗИК** в послевоенные десятилетия называют следующие. «Во-первых, стабильная зарплата, во-вторых, порядок» [БЛС]. При этом существует и параллельный текст, рисующий «свойские» порядки на заводе, когда трудовая дисциплина отнюдь не исключает действие личных связей, возможностей подработать на заказ и т.п.: «Охрана есть. Ну... с любой охраной находят общий язык. <...> Я вас попрошу (вы токарь): выточи мне там какую-то ось небольшую <...> Он может сделать и вынести. <...> Все можно было делать, ну так... ну, вот мы выпускаем мельничные элеваторы, можно делать даже саму мельницу сделать. И пустить налево» [СИЕ]; «Был свидетелем, пришел к Кордону [директору завода, см. КОРДОН], там, один рабочий, говорит: „Слушай, мне нужен, маленький железный ящичек сделать“. <...> Вот. И тот выписал. И как раз получилось так, что Кордон выходит с управления, а еще было старое здание, не было этого. Этот вывозит маленький ящичек. Ну маленький ящичек — это обыкновенный гараж для автомобиля. Вот они пошумели, покричали. Но он никогда, он не шел на конфликт, чтобы это... Но в то время можно это все было сделать, понимаете. В общем, вот такая вот система была, а вот» [ВАИ].

В городе **ЗИК** имел устойчивую репутацию еврейского предприятия: «говорили: „жидівський завод“» [БЛС]. Это было связано с тем, что там работали в основном евреи: «Очень много было евреев. <...> До войны, до войны на заводе работало 80 % евреев, 20 % русских» [ГЕС]. «Ну, э-э, вообще-то после войны там было... 1000–1200. <...> Больше половины. Когда уже я... в 60–70-х годах» [СИЕ]. По воспоминаниям, на заводе можно было услышать речь на идиш, поскольку многие сотрудники-евреи говорили между собой по-еврейски: «А между собой, бывало, иногда один другому подойдет шо-то скажет [по-еврейски], тот старый еврей, шо-то один другому скажет» [БЛС]; «Мы говорили по-русски с русскими. А с евреями я по-еврейски... у нас было человека 7–8 евреев, мы по-еврейски» [РД]. Устойчивый мотив меморатов — угощение евреями сослуживцев мацей: «Да, практически, мацу приносили, и на заводе мы тоже ели. Так же, как и в школе, так и на заводе уже попозже туда, ели, и мацу можно было» [ВАИ]. «Ну... я вот тут уже взрослую жизнь... угощал, носил на завод целый килограмм, помню пачку... они с удовольствием, за обе щеки» [СИЕ].

Согласно распространенному представлению, все директора завода были евреями — включая основателя предприятия немца Генриха Келлера: «Основатель, кстати, тоже еврей — в 1897 году, Келлеры братья» [ВВВ]. Среди евреев на заводе встречались и простые рабочие, однако в основном евреи занимали инженерно-технические и административные должности: «Я работал в кадрах, было 2000 рабочих, а инженеров было в процентном отношении больше, чем всех остальных национальностей вместе. То есть в основном инженеры, руководители это были» [ТРЕ]; «Было много, очень много. Ну в основном технологи, конструктора. Хорошие были еврейские парни. Начальники отделов, ну были специалисты, токаря были хорошие, фрезеровщик у нас был Вульф такой. Ас просто. Были, но мало, конечно, из рабочих. Больше инженеров, но было много» [СИЕ]; «Главный механик был Билык, Илья Самуилович, а Догмак Валентин Григорьевич главный инженер был все эти годы, главный электрик завода был Шихман. <...> Шихман такой, и на всех ведущих главным технологом был Зац Владимир Манусович, тот, кто до самого последнего, один из ведущих отдела по оснастке был Легер Михаил, вот он сидит. И основные ключевые посты занимали евреи. И этот порядок и это все — вот поэтому его [завод] так называли» [БЛС].

Об истории и деятельности **ЗИК** издано несколько книг [Скоряк 1964; Чаус 1997], на территории завода был создан и до недавнего времени функционировал музей.

Анастасия Жердева

Библиография

- Ахметова М.В., Лурье М.Л.* Материалы бологовских экспедиций 2004 г. // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 336–357.
- Алексеевский М.Д., Жердева А.М., Лурье М.Л., Сенькина А.А.* Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) // Штетл, XXI век: Полевые исследования / Сост. В. Дымшиц, А. Львов, А. Соколова. СПб., 2008 (в печати).
- Бадин Ж., Савицкий Р.* «Голубой Дунай» в топонимике советского города // Krogs Eiropas kultūras telpā. Daugavpils, 2008.
- [*Вартанович 2007*] «Топономічна історія краю»: Очерк, составленный по просьбе собирателей библиографом-краеведом Могилев-Подольской районной библиотеки Н.М. Вартанович (машинопись).
- Скоряк Г.* Господарі заводу. Вінниця, 1964.
- Чаус С.П.* Флагман машинобудування Придністров'я. Вінниця, 1997.

Интервью

- Анат. — Анатолий, проживает в Могилеве-Подольском, ок. 60 лет, водитель такси. Соб.: А. Кушкова, Д. Гидон, В. Федченко. АРІ. МР_07_039_1_2.
- БДФ — Ботштейн Дора Филипповна (1947 г.р.), проживает в Могилеве-Подольском. Соб.: М. Каспина, С. Николаева, С. Ямпольская. АРІ. МР_07_025.
- БЛС — Брехман Леонид Семенович (Шмулевич), ур. Могилева-Подольского (1939 г.р.), глава еврейской общины, работал на заводе им. Кирова:
а) Соб.: Н. Глаголев, С. Рейдер, А. Соколова. АРІ. МР_07_041;
б) Соб.: В. Дымшиц, А. Эмирова. АРІ. МР_07_051;
в) Соб.: Н. Глаголев, А. Жердева. АРІ. МР_07_100.
- Вад. — Вадик, ур. Могилева-Подольского (ок. 1987 г.р.), студент третьего курса политехнического института в Виннице, на каникулы приезжает в Могилев-Подольский. Соб.: М. Алексеевский, А. Сенькина, А. Жердева. АРІ. МР_07_062.
- ВАИ — Владимирский Александр Иванович, ур. Могилева-Подольского (1948 г.р.). Соб.: М. Лурье, М. Алексеевский, А. Сенькина. АРІ. МР_07_132.
- ВВВ — Войтович Валерий Васильевич, ур. Могилева-Подольского (ок. 1950 г.р.), краевед, депутат городского совета. Экскурсии:
а) Экскурсия по городу. АРІ. МР_07_153_1_2.
б) Экскурсия по краеведческому музею. АРІ. МР_07_067.
- ВПВ — Василенко Полина Васильевна, проживает в Могилеве-Подольском (1961 г.р.). Соб.: А. Эмирова, С. Ямпольская. АРІ. МР_07_087_1_2.

- Вяч. — Вячеслав, ур. Могилева-Подольского (1972 г.р.), бухгалтер. Соб.: М. Алексеевский, М. Лурье, С. Ямпольская. АРІ. МР_07_077.
- ГАИ — Гольденштейн Аркадий Ильич, ур. Могилева-Подольского (1953 г.р.), слесарь:
 а) Соб.: М. Каспина, С. Николаева. АРІ. МР_07_022;
 б) Соб.: М. Каспина, С. Николаева. АРІ. МР_07_023;
 в) Соб.: М. Каспина, С. Николаева, С. Ямпольская. АРІ. МР_07_026.
- Ген. — Геннадий, ур. Могилева-Подольского (ок. 1950 г.р.), водитель такси в Могилеве-Подольском. Соб.: В. Дымшиц, М. Каспина, С. Николаева. АРІ. МР_07_024.
- ГЕС — Гольцер Ефим Самойлович (1931 г.р.), проживает в Могилеве-Подольском:
 а) Соб.: В. Федченко, В. Дымшиц, А. Эмирова. АРІ. МР_07_014;
 б) Соб.: А. Жердева, М. Лурье, С. Ямпольская. АРІ. МР_07_152.
- ГЛА — Гоменюк Людмила Антоновна (1950 г.р.), ур. Могилева-Подольского. Соб.: М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина. АРІ. МР_07_030.
- ГНЛ — Готенберг Неля Львовна (1934 г.р.), проживает в Могилеве-Подольском, работала заведующей библиотеки завода им. Кирова:
 а) Соб.: М. Бендет, О. Габе. АРІ. МР_07_018;
 б) Соб.: М. Маршак, С. Рейдер. АРІ. МР_07_082.
- Дм. — Дмитрий, родился в деревне рядом с Могилевом-Подольским (1960 г.р.), художник. Соб.: М. Алексеевский, А. Сенькина, А. Жердева. АРІ. МР_07_017.
- ЗЛВ — Знак Лариса Васильевна (1961 г.р.), проживает в Могилеве-Подольском ок. пяти лет, редактор газеты «Слово Приднестровья». Соб.: М. Лурье, М. Алексеевский, А. Сенькина. АРІ. МР_07_132.
- КЕП — Ковбасюк Евгения Поликарповна, ур. с. Хабаровка Могилево-Польского района (1940 г.р.), проживает в Могилеве-Подольском. Соб.: М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина, М. Хаккарайнен. АРІ. МР_07_063.
- КТ — Константин Трофимович, проживает в г. Атаки (1942 г.р.). Соб.: А. Кушкова, М. Хаккарайнен. АРІ. МР_07_056.
- Люб. — Люба, 1978 г.р., сотрудница Могилев-Подольского краеведческого музея. Соб.: М. Лурье, А. Сенькина. АРІ. МР_07_083.
- Мар. — Марина, около 1983 г.р., работает на консервном заводе. Соб.: М. Алексеевский, М. Маршак, А. Жердева. АРІ. МР_07_142.
- МВ — М.В., проживает в Могилеве-Подольском, по просьбе соб. М. Алексеевского прислала на форум городского сайта рассказы о значимых для города событиях.

- МКИ — Майданек Клавдия Израилевна, ур. Могилева-Подольского (1932 г.р.). Соб.: Я. Войтенко, А. Гидон, В. Федченко. АРІ. МР_036.
- НП — Наталья Петровна (1970 г.р.), проживает в Могилеве-Подольском, директор районной библиотеки. Соб.: А. Сенькина, М. Алексеевский, М. Лурье, А. Жердева, А. Гофман. АРІ. МР_07_011.
- Пар. — жительница Могилева-Подольского, ок. 45 лет, работает в парикмахерской на ул. Рыночной. Соб. М. Маршак, С. Рейдер. АРІ. МР_07_081.
- РД — Ройтбург Давид (1929 г.р.), проживает в Могилеве-Подольском. Соб.: В. Дымшиц. АРІ. МР_07_073_1–5.
- СИЕ — Соскис Исаак Ефимович, ур. г. Копайгород (1945 г.р.), проживает в Могилеве-Подольском. Соб.: М. Маршак. АРІ. МР_07_057.
- ТРЕ — Трахтенгерц Роман Ефимович, член общины, читает в синагоге. Соб.: Н. Евсеенко, А. Кушкова, С. Ямпольская. АРІ. МР_07_015.
- УАУ — Урман Арон Ушеревич (1919 г.р.), ур. Могилева-Подольского. Соб.: А. Соколова, А. Эмирова. АРІ. МР_07_110.
- ЭЛА — Эпельбойм Лиза Ароновна, ур. Могилева-Подольского (1938 г.р.). Соб.: А. Кушкова, А. Эмирова. АРІ. МР_07_105.
- ЭНХ — Эпельбойм Нухим Хаимович (1934 г.р.), ур. Могилева-Подольского. Соб.: А. Кушкова, А. Эмирова. АРІ. МР_07_105.
- ЯИМ — Ястребный Илья Михайлович, ур. Могилева-Подольского (1933 г.р.), пенсионер. Соб.: В. Дымшиц, С. Николаева. АРІ. МР_07_070.